

Галина Петкова

Жизнь в „эмигрантской провинции“: болгарское местостояние П. М. Бицилли

„Жаль, кстати сказать, что [...] совсем обойдена
Болгария.

А ведь здесь [...] не хуже, чем в других эмигрантских
провинциях“.

Письмо П. Бицилли В. Рудневу, София, 1 февраля 1936 г.¹

В декабре 1923 г. ректор Софийского университета официально пригласил П. М. Бицилли, жившего в это время в Скопье, занять кафедру новой и новейшей истории Историко-филологического факультета в должности „ординарного профессора по контракту“ (Договори, писма и доклади от „Личното дело на проф. П. Бицилли“ 2013: 279). В последовавшем ответе ученый выразил „глубокую благодарность“ за „оказанную честь“ и согласие принять „сделанное ему предложение“ (Там же: 279–280). Так началось болгарское местостояние профессора, которое определило профиль эмигрантства Бицилли и привело к изобретению ряда стратегий, направленных на преодоление *травмы потери родного*; на выстраивание собственного бытия изгнанника, сохранение своего академического и научного статуса, обеспечение жизни своей семьи в Софии и бережение жизни своих родственников в Одессе; на установление коммуникации с русским эмигрантским миром („другой Россией“) и интеграцию в чужое пространство. Означающее *местостояние* метафоризирует неисчерпаемую конкретность общей и индивидуальной эмигрантской истории в каждой отдельно взятой *принимающей стране*. В случае Бицилли настоящий текст ставит себе целью выявить некоторые малоизвестные детали его „болгарской судьбы“², которые до сих не считались структуропорождающими для личного нарратива ученого.

¹ См. корреспонденцию П. Бицилли с редакторами журнала „Современные записки“ (Бицилли 2012: 501–686). Все слова, заключенные в кавычки, являются цитатами, акцентированные автором статьи слова выделены курсивом.

² Цитирую заглавие книги болгарского историка Марии Велевой (Велева 2004).

Бицилли, впрочем, получил назначение в Софийский университет со второго захода. В 1920 г. он послал из Сербии документы на занятие вакантной кафедры новой и новейшей истории. Они были переданы при посредничестве византолога акад. Никодима Кондакова (1844–1925), уже получившего должность ординарного профессора археологии и истории средневекового искусства в Софийском университете, декану Историко-филологического факультета болгарскому историку проф. Василу Златарскому (1866–1935). Бицилли был одобрен на вакансию заведующего кафедрой Историко-филологическим факультетом, но Академический совет предпочел *незнакомому* в Болгарии в это время русскому ученому *видимую* фигуру, и заведующим кафедрой избрали бывшего ректора Императорского Санкт-Петербургского университета проф. Эрвина Гримма (1870–1940). Сохранившееся в Архиве Софийского университета „Личное дело Петра Михайловича Бицилли, ординарного профессора-иностранца с Историко-филологического факультета“ корректирует общеизвестную биографию Бицилли в той ее части, которая касается административного бытия профессора в Софийском университете³.

Русские ученые-эмигранты, которые под давлением обстоятельств или добровольно выбрали Болгарию, чтобы продолжить здесь академическую карьеру, не имели самостоятельной институционализации и были вынуждены реализовать свой научный и преподавательский потенциал в пространстве единственного тогда государственного университета – Софийского. Их интересы, впрочем, совпадали с интересами самого университета, продолжающего комплектовать свои кафедры и в 1920-е гг. Согласно Закону о народном просвещении, Софийский университет, созданный как высшее училище в 1888 г., „по предложению Академического совета мог приглашать иностранцев в качестве ординарных профессоров и доцентов по тем предметам, для преподавания которых не хватало специалистов среди болгарских поданных“ (Закон за народното просвещение 1924: 95). Если чужое гражданство сохранялось, иностранцы служили по контракту, который заключался с разрешения Совета министров, на определенный срок и при определенных условиях, касающихся зарплаты. Контракт подписывался между приглашенным лицом и министром народного просвещения обычно на три года и возобновлялся по истечении этого срока

³ См., например, авторитетную версию биографии П. Бицилли, предложенную Михаилом Бирманом (Бирман 2006: 677–706).

обычно беспрепятственно, хотя всегда существовала вероятность, что этого не произойдет⁴.

В упомянутом служебном деле Бицилли собраны экземпляры контрактов за весь период его 25-летней преподавательской деятельности в Софийском университете – с 1 января 1924 г. до 1 июля 1948 г. Наличие этих документов позволяет уточнить, когда точно по времени подписывались контракты между П. Бицилли и министерством и конкретизировать их продолжительность, которая в 1930-е гг. не соблюдает традиционный трехгодичный срок, словом, увидеть, как складывались и развивались отношения между русским профессором-эмигрантом и болгарской администрацией по ведомству образования. Сохранились все десять контрактов со следующими сроками: 1) с 1 января 1924 г. до 1 января 1927 г.; 2) с 1 января 1927 г. до 1 января 1930 г.; 3) с 1 января 1930 г. до 1 января 1933 г.; 4) с 1 января 1933 г. до 31 декабря 1935 г.; 5) с 1 января 1936 г. до 30 июня 1937 г.; 6) с 1 июля 1937 г. до 30 июня 1938 г.; 7) с 1 июля 1938 г. до 30 июня 1939 г.; 8) с 1 июля 1939 г. до 30 июня 1942 г.; 9) с 1 июля 1942 г. до 30 июня 1945 г.; 10) с 1 июля 1945 г. до 1 июля 1948 г. (Договоры, письма и доклады... 2013: 282–308).

В подписанных контрактах, которые являются типовыми для всех иностранцев, указываются служебные обязанности профессора Бицилли: преподавать и читать лекции по новой и новейшей истории в Софийском университете; вести, кроме необходимого минимума лекций, соответствующие практические упражнения и занятия, предусмотренные Уставом и Учебным планом университета; что совет Историко-филологического факультета с одобрения Академического совета может обязать проф. Бицилли временно читать лекции и по предметам, близким его специальности; что во время каникул существует возможность поехать в командировку с научной целью за границу или в Болгарию. В контракте отмечается также годовая зарплата и собираемые налоги и оговаривается ситуация досрочного освобождения и получения компенсаций.

Контракты являют собой отчужденный пласт документов, в котором идентификация „ординарный профессор-иностранец по контракту“ гарантирует определенные правомочия, одинаковые для всех пребывающих в этом административном статусе. В этот анонимный пласт, однако, вклинивается другой, который выстраивает документальный нарратив *с человеческим лицом*. В нем

⁴ Подробнее о многоэтапной бюрократической процедуре назначения в 1920–1930-е гг. см. Петкова 2015: 293–294.

„иностранец по контракту“ конкретизируется как „русский профессор“ и „господин Бицилли“. Его начало и конец – это граничные моменты академической институционализации П. Бицилли в Софийском университете. Это повествование заключено между избранием / назначением профессора в 1923–1924 гг. и его освобождением в 1948 г. и своеобразно кульминирует в тревожном 1932 г., когда преподавательское место Бицилли поставлено под угрозу.

Административное житие

Назначение

В июле 1923 г. занимающий должность заведующего кафедрой новой и новейшей истории профессор Эрвин Гримм был экстрадирован из Болгарии как „коммунист и большевистский агент“⁵. Кафедра снова осталась вакантной, доцентский конкурс не дал положительных результатов и, чтобы обеспечить дальнейшее преподавание новой истории, проф. В. Златарский обратился 25 октября 1923 г. к Совету Историко-филологического факультета с докладом, в котором предложил избрать в качестве „ординарного профессора по контракту“ Петра Бицилли (Договори, писма и доклади... 2013: 273–276). Златарский ознакомил факультет с профессиональной биографией русского ученого, сообщая, что в Скопье, где Бицилли преподавал в это время⁶, „нет почти никаких условий для научной работы“ и он „решил уехать оттуда и готов приехать в Болгарию“ (Там же: 276). В заключение доклада Златарский говорил:

„Господин Бицилли известен среди русских профессоров-историков как добросовестный и трудолюбивый работник в области своей специальности и с большой преданностью служит исторической науке. Поэтому я убежден, что он будет весьма полезен нашему факультету и создаст добрую традицию в преподавании новой и новейшей истории“ (Там же)⁷.

После одобрения Академическим советом 31 октября 1923 г. и постановления Совета министров от 24 ноября 1923 г. ректор от имени Софийского университета

⁵ Подробнее об Э. Гримме в Болгарии см.: Петкова 2012а: 194–198.

⁶ В 1920 г. Бицилли назначен гонорарным профессором на Философском факультете в Скопье, где преподавал древнюю и средневековую историю. Подробнее см. Договори, писма и доклади... 2013: 276.

⁷ Здесь и далее перевод цитат из документов с болгарского на русский язык – мой, ГП.

пригласил П. Бицилли принять на себя обязанности заведующего кафедрой новой и новейшей истории. Хотя первый контракт между Бицилли и министерством заключен с 1 января 1924 г., профессор приехал в Софию к началу летнего семестра, начинавшегося в марте. Официально он вступил в должность 10 марта 1924 г., прочитав лекцию „Проблемы современной истории“.

Кризис

В 1920-е гг. контракты П. Бицилли возобновлялись регулярно. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., однако, в связи с экономическим кризисом болгарские власти стали проводить рестриктивную политику экономий и сокращения бюджетов. В сентябре 1932 г. Министерство просвещения поставило в известность Софийский университет, не указывая конкретные причины, что с 1 января 1933 г., когда кончается очередной трехлетний контракт Бицилли, продления не последует. От имени преподавателей истории проф. Златарский обращается в Совет Историко-филологического факультета с докладом от 24 октября 1932 г., в котором заявил о неоправданности отстранения и мотивировал место и роль Бицилли, „отличного лектора, товарища и руководителя молодых“, приводя различные административные и научные аргументы:

„Таким отличным специалистом является господин Бицилли. О его значении ученого, о его глубокой и всесторонней эрудиции здесь излишне говорить. Достаточно только подчеркнуть, что он может оказать честь не только нашему, но и любому университету, в котором останется в качестве преподавателя. [...] Хотя и иностранец, он так сжился с нами, что как немногие чувствует нужды нашей жизни, а его самое горячее желание оставить здесь своих учеников, которые достойно продолжили бы его дело“ (Договори, писма и доклади... 2013: 290).

На основании этого письма, ректор обратился в Министерство с просьбой учесть необходимость факультета в ординарном преподавателе новой и новейшей истории и „научные достоинства“ проф. П. Бицилли, занимающего эту должность в последние 10 лет. В результате, Университет сумел сохранить за Бицилли штатное место профессора. Следующий контракт – на три года – был подписан 24 января 1933 г. Единственные изменения в нем касались уплаты налогов и сборов, от которых ученый, будучи иностранцем, раньше был освобожден.

Уход на пенсию

П. Бицилли отстранили из университета по окончании срока его последнего договора в конце июня 1948 г. Решением Совета Историко-филологического факультета, утвержденного на заседании Академического совета 29.IX.1948 г., Бицилли освободили от должности. К настоящему моменту мне не удалось найти документ, формулирующий основания или мотивы этого освобождения. Официальная версия, которой придерживается болгарская историк Мария Велева, заключается в „причине возраста“, так как Бицилли в это время давно уже исполнилось 65 лет – возраст, „предельный для университетских преподавателей“ (Велева 2004: 74). Трудно согласиться, однако, что эта причина не являлась инструментом идеологической чистки, проводимой в Софийском университете после государственного переворота 9 сентября 1944 г., на основании критериев „партийная принадлежность и политическая ориентация академического состава“⁸.

Отправка на пенсию имела для Бицилли и другие тягостные последствия – как „иностранец по контракту“ он покидал службу без права на пенсионное обеспечение и оставался без всяких средств к существованию. Этот факт заставил часть его коллег обратиться с коллективным докладом („от имени преподавательской коллегии при Историческом институте“) в Совет Историко-филологического факультета с просьбой о ходатайстве перед Академическим советом и государственными структурами о том, чтобы Бицилли была определена пенсия. Доклад был подписан шестью историками и пытался говорить истину, но на языке нового режима, приводя адекватные времени аргументы политической лояльности ученого, к которым подключались и автономные критерии:

„Проф. П. Бицилли принял на себя руководство кафедрой новой истории в Софийском университете во время крайне тяжелой политической реакции и при полном отсутствии квалифицированных научных кадров в этой области. Ему удалось всецело уберечь кафедру от политической цензуры [...], и он относился благосклонно к прогрессивному студенчеству, способствуя его научному развитию. Все болгарские историки более молодых поколений являются воспитанниками проф. Бицилли“ (Договори, писма и доклади... 2013: 311).

⁸ Так озаглавлен один из подпунктов отчетного доклада декана Историко-филологического факультета – ученика Бицилли – болгарского историка, проф. Христо Гандева (1907–1987) о деятельности факультета в течение учебного 1947–1948 г. и зимнего семестра 1948–1949 г. См. Из отчетния доклад на декана проф. Хр. Гандев... 1995: 442.

На основании этого доклада и прилагая его текст к своему письму, ректор обратился в Комитет науки, искусства и культуры (так называлась институция, которая вместо Министерства просвещения в 1947–1954 гг. ведала и контролировала науку и культуру Болгарии) с просьбой предпринять шаги для того, чтобы обеспечить Бицилли пенсионным пособием. Неизвестно, насколько это письмо и предпринятое Университетом в этой ситуации помогли Бицилли. Пенсию он стал получать, вероятно, едва в начале 1950-х гг., когда уже приобрел болгарское гражданство⁹.

Личная преподавательская история Бицилли, или его административное житие, встроена в болгарское университетское поле 1920–1930-х гг., которое руководствовалось собственными научными критериями и отстаивало свои академические нормы и санкции. В 1930-е гг. в пространстве Университета реализовалась высокая степень автономии, в отличие от 1948 г., когда внешние иерархии очевидно уже доминировали над внутренними. Нулевое значение личности в административном дискурсе („ординарный профессор-иностранец по контракту“), умноженное после 9 сентября 1944 г. на Идеологию, парадоксально выхолащивается, и биография „русского профессора“ персонализируется видением / говорением о Бицилли как о конкретной индивидуальной ценности для Софийского университета. Так в отчужденный бюрократический язык входит этичность академического общения, а документы становятся нетождественными себе и производят символическое действие.

От романской медиевистики к истории русского языка и литературы

По окончании Историко-филологического факультета Новороссийского университета Бицилли был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Областью его научной специализации стало Романское средневековье, в рамках которого он изучал личность и трактаты калабрийского аббата Иоахима Флорского, распространение духовности св. Франциска Ассизского в Италии и историю Францисканского ордена. В 1916 г. издана книга Бицилли „Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века“, которая была представлена к защите в качестве

⁹ В своем письме от 11 мая 1951 г. Ивану Бунину Бицилли отмечал: „кажется, скоро начну получать пенсию“ (Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: 178).

магистерской диссертации в мае 1917 г. в Императорском Петроградском университете. Своеобразным продолжением ее тематики явилась изданная в 1919 г. книга „Элементы средневековой культуры“.

Первая мировая война прервала, по словам Бицилли, „правильные отношения” с Западом и лишила его возможности „добыть для себя ряд весьма важных книг” (Бицилли 1916: 369), а октябрьский переворот 1917 г. окончательно повлиял на его исследовательские выборы. В эмиграции началась и бифуркация научных интересов Бицилли. Романское средневековье, которое в 1920-х гг. не являлось *исследовательской темой* на Балканах и для занятия которым в Югославии и Болгарии не было необходимых условий (научной традиции, библиотек, архивов, читателя), заменяется историософской и исторической проблематикой, русской культурой и литературой¹⁰. Бицилли присоединяется к евразийскому кругу мыслителей, сотрудничество с которыми давало, кроме ощущения принадлежности к определенной (научной) общности, и возможность применять знания медиевиста: в его текстах рефлексия о путях России строилась на ожидаемой дискредитации латинского мира и Римской церкви. Параллельно евразийским работам он начинает печатать на страницах журнала „Русская мысль” литературно-критические статьи и обращается к личности и творчеству А. Пушкина и русской классической литературе.

Болгария не только стабилизировала отход Бицилли от медиевистики, но и привела его к еще одному повороту. Получив место преподавателя новой и новейшей истории, Бицилли постепенно обратился к филологии и выступал не только в роли литературного критика, но и вдумчивого для своего времени исследователя русской литературы. В изданной в 1926 г. в Праге его книге „Этюды о русской поэзии” критика увидела „сближение” с формализмом¹¹ и „точки соприкосновения” с Борисом Томашевским и Владиславом Ходасевичем, исследования которых – „Пятистопный ямб Пушкина” и „Поэтическое хозяйство Пушкина” – Бицилли цитирует. Эти работы были изданы в Берлине и Ленинграде в 1923–1924 гг. и бесспорно стали эмблематичными для русскоязычной традиции в пушкиноведении и стиховедении. Книга Бицилли, однако, дописывалась и „редактировалась” в Софии в 1925 г.¹² Из ее предисловия становится ясно, что с работой Ходасевича „Поэтическое хозяйство

¹⁰ Об этой субституции францисканского брата Салимбене русским поэтом Пушкиным см. Петкова 2017: 73–79.

¹¹ Рецензент книги пушкинист Модест Гофман отмечал, что в „презрении к истории литературы проф. Бицилли сближается с представителями т. н. формального метода” (Гофман 1926: 165).

¹² Об этом Бицилли сообщает в предисловии, датированном 1925 г. (Бицилли 1926: 11).

Пушкина“ Бицилли познакомился после написания своей и заметил „целый ряд точек соприкосновения“ (Бицилли 1926: 11) между ними. Остается открытым вопрос, насколько в ситуации информационного вакуума (или, как профессор обобщал, в условиях „совершенно ненормальных“ (Там же), в каких писались тогда русские книги в России и за рубежом) чужое принимающее пространство могло послужить для него импульсом *надстраивать* себя как литературного критика и осваивать специализированный филологический инструментарий, необходимый для анализа поэтического ритма.

В Софийском университете русский ученый-эмигрант общался с болгарским историком литературы, критиком и теоретиком профессором Бояном Пеневым (1882–1927)¹³, предложившим в начале 1910-х гг. первые систематические курсы по истории русской литературы. В 1925–1927 гг., когда редактируются и издаются „Этюды о русской поэзии“, Б. Пенев читает с университетской кафедры лекционные курсы по истории и теории русской литературы – „Русская литература в Александровской эпохе“, „Русский стих“, „Русская метрика“. Оба ученых приблизительно в одно и то же время – в середине 20-х гг. XX века – предлагают интерпретацию русской поэзии сквозь призму формального метода, который им очевидно импонирует. Может, подобное совпадение является чистой случайностью, результатом духа эпохи, своеобразного *Zeitgeist* формализма. Мне кажется, важен факт, что в локальном академическом поле Бицилли нашел болгарскую среду, которая была достаточно отзывчива европейским тенденциям в развитии литературоведения и могла на равных вступать в диалог с представителями русской науки – метропольной и эмигрантской – в лице цитируемых и очевидно авторитетных для Бицилли Владислава Ходасевича и Бориса Томашевского.

В 1930-е гг. Бицилли неоднократно заявлял, что „история русского языка“ давно стала его „второй специальностью“¹⁴. Почему профессиональный историк решает

¹³ Об этом свидетельствует некролог „Памяти проф. Б. Пенева“, написанный Бицилли вскоре после безвременной кончины болгарского ученого 25 июня 1927 г. и вышедший в парижской газете „Последние новости“ (№ 2316, 26.07.1927, с. 2). Рискую предположить, что это первый и, вероятно, единственный некролог, который Бицилли посвящает какому-либо болгарскому ученому и публикует в эмигрантской печати. Своеобразным *посредником* между обоими учеными была и фигура Ивана Бунина, к писательскому таланту которого и Бицилли, и Боян Пенев испытывают огромное уважение. При активном участии Б. Пенева в марте 1920 г. Иван Бунин был избран Академическим советом лектором русской литературы в Софийском университете. См. Петкова 2017: 101–105.

¹⁴ В своих письмах Рудневу Бицилли сообщал о новом филологическом выборе: 4 февраля 1934 г. профессор писал, что „все, что касается истории русского языка“ его „живо интересует“, так как в последнее время она „главный предмет“ его „занятий“. Несколько лет позднее – 8 апреля 1936 г. – он

обойти, пребывая совсем кратко в ней, самую близкую к его специализации и преподавательской практике научную территорию, а именно историю России? Что заставляет Бицилли весьма сдержанно в 1920–1930-е гг. относиться к истории России как научной и преподавательской проблеме и поменять не только медиэвистику, но и саму историю как науку на филологию, посвятить себя истории русского языка?

Моя гипотеза вероятного нежелания заниматься русской историей и автоцензурирования строится на банальной причине и основывается на воспоминаниях родственников профессора. По семейному преданию брат Бицилли, оставшийся в Одессе, просил профессора „не заниматься политикой и историей России и вообще сократить свои выступления на исторические темы, потому что он [брат] имеет неприятности“¹⁵. В ситуации заботы о родственниках Бицилли удалось выкупить мать из Одессы и перевезти ее в Болгарию в 1926 г., однако и в 1930-е гг. он считался с фактом, что он „там, конечно, на учете“ (письмо В. Рудневу от 9 марта 1934 г.).

В ситуации возможной автоцензуры филология превращается в *безопасное* пространство, которое, с одной стороны, компенсирует личные профессиональные интересы, сохраняет связи с общеэмигрантской жизнью, а с другой, гарантирует диалог с болгарским обществом, в том числе научным, поскольку репутация русской культуры и литературы в Болгарии высокая, а традиции их изучения и преподавания в образовательных учреждениях стабильные.

Лекционные курсы и литературоведение „по поводу“

Лекционные курсы, читанные П. Бицилли в качестве ординарного профессора и заведующего кафедрой новой и новейшей истории Историко-филологического факультета Софийского университета за 25 лет его преподавательской деятельности (1924–1948), неизменно интересуют его биографов. Их заглавия на болгарском языке, в

подтверждает свой интерес: история русск[ого] языка относится к области, которая „уже давно стала“ его „второй специальностью“ (Бицилли 2012: 534, 556).

¹⁵ Цитирую со слов внучки профессора – Елисаветы Ивановой-Аначковой (1936–2016), которая старалась воспроизвести воспоминания своей матери, не комментируя, насколько точно они передают обстоятельства семейной истории. О „просьбе брата Бицилли“ я расспрашивала ее несколько раз, и ответ всегда был приблизительно один и тот же. Последняя запись ее рассказа, на который ссылаюсь, датирована 16 марта 2014 г. В этом контексте показательна констатация самого Бицилли в письме Вадиму Рудневу от 9 марта 1934 г.: „[...] я Вам бесконечно благодарен за Ваше доброе желание поспособствовать мне в переводе денег в Россию, а также за Вашу предусмотрительность: я не подумал о том, о чем в первую голову должен был подумать, а именно, что действительно от моего имени или от Вашего посылать было бы рискованно: ведь мы с Вами там, конечно, на учете“ (Бицилли 2012: 537).

том виде, в каком они утверждались на заседаниях Академического совета и присутствовали в ежесеместриальных Расписаниях лекций Софийского университета, были опубликованы и откомментированы в 2013 г.¹⁶ Во времени лекционная практика Бицилли осуществлялась как бы *пульсациями*: формулировки курсов, предлагаемых в рамках соседних семестров, не будучи идентичными, вводили проблематику, которая сцеплялась скорее метономически, чем хронологически. Курсы дополняли и дописывали друг друга до тех пор, пока, вероятно, вектор внимания не менял свое направление от одного тематического поля к другому.

По приезде в Болгарию Бицилли делает попытку институционализировать свои интересы в области русской культуры и литературы. В течение учебного 1924–1925 года он читает лекционный курс „История русской культуры первой половины XIX века“. Возможность читать лекции по предметам, близким специальности лектора, давал и его первый административный контракт, подписанный в 1924 г.¹⁷ Однако после учебного 1924–1925 года Бицилли *замолчал* как лектор по русской литературе на долгие годы, вплоть до летнего семестра учебного 1944–1945 года, в котором читает курс примерно с тем же заглавием – „История русской культуры XIX века“. В следующем учебном 1945–1946 году курс уже получил собственно историческую формулировку: „Общественные движения в России с эпохи великих реформ до 1914 г.“. Все эти годы с университетской кафедры профессор преподавал только общую историю и не имел отношения к образованию филологов. Вероятной причиной подобного молчания мне видится нежелание заходить на территорию официального лектора по русской литературе в рамках специальности „Славянская филология“, назначенного еще в 1920 г., – Михаила Попруженко (1866–1944). Будучи заслуженным профессором Новороссийского университета, славист М. Попруженко был знаком болгарским научным кругам задолго до 1917 г. и беспрепятственно получил назначение с первой группой русских эмигрантов в 1920 г. После 1925 г. Бицилли не объявлял литературно-исторические курсы, *дублирующие* тематику лекций своего коллеги по Новороссийскому университету, несмотря на то, что не было административных ограничений. И хотя Попруженко как литературовед слыл скучным лектором, очевидно неконкурентным, для Бицилли, вероятно, важнее репутации было уважение к

¹⁶ См. Петкова 2013: 319–335. Впервые список заглавий лекционных курсов на русском языке, прочитанных П. Бицилли в Софийском университете в 1924–1948 гг., был предложен Андреем Мещерским в его „Библиографии трудов профессора Петра Михайловича Бицилли...“ (Мещерский 1954).

¹⁷ Эта возможность сохранилась вплоть до контракта, подписанного в 1933 г. См. подробнее: Договоры, письма и доклады... 2013: 282–309.

родству Попруженко с Клавдией и Георгием Флоровскими, с которыми его связывали дружеские и коллегиальные отношения еще в Одессе¹⁸.

Русская культура и литература появилась снова в заглавиях курсов Бицилли после смерти Попруженко в 1944 г. На это возвращение к русской теме могла повлиять и ситуация в Болгарии после государственного переворота 9 сентября 1944 г., когда эта проблематика очевидно была востребована, но пока не было своего подходящего лектора, и „русскому профессору“ предложили своеобразный *академический заказ*¹⁹.

Какой бы ни была причина *литературоведческого молчания* Бицилли-лектора, русская литература осталась и являлась для него значимым объектом, хотя и *недоступным* после 1925 г., но не подлежащим *дезинвестиции* почти двадцать лет. Невозможность преподавать русскую культурную / литературную историю с кафедры Софийского университета профессор компенсировал чтением лекций на литературные темы в Русском народном университете в Софии²⁰, подготовкой научных изданий²¹ или выступлениями „по поводу“ той или иной писательской годовщины на совместных русско-болгарских торжествах или мероприятиях²². Прочитанные тексты публиковались впоследствии в болгарской или эмигрантской печати или апробировали уже написанный текст. Так во второй половине 1920-х гг. интерес Бицилли к русской литературе стабилизируется и приводит в начале 1930-х гг. к созданию систематического курса русской литературной истории. Речь идет о первой и второй части „Хрестоматии по истории русской литературы“ (София, 1931–1932) и второй части „Краткой истории русской литературы“ (София, 1934).

¹⁸ Михаил Георгиевич Попруженко был братом Клавдии Георгиевны Флоровской (1863–1933), урожд. Попруженко, матери Антония, Георгия и Клавдии Флоровских.

¹⁹ В этом контексте необходимо упомянуть и решение Академического совета, принятое в начале учебного 1946–1947 г., об издании на болгарском языке труда проф. П. Бицилли „История России с начала XIX-го века до Великой октябрьской революции 1917 года, с учетом общественных движений“. Книга, в основу которой, вероятно, вошел его последний лекционный курс, судя по всему, должна была играть роль учебника. Она напечатана в университетской типографии в 1947 г. с несколько измененным заглавием – „История России с начала XIX-го века до Второй революции (1917 год). Внутренняя политика и общественные движения“ в серии Университетской библиотеки под номером „342“. Подробнее см.: Петкова 2017: 47–48.

²⁰ В рамках лектория Русского народного университета 12 февраля 1928 г. П. Бицилли прочитал лекцию „Поэзия Некрасова“. Цит. по: Петкова 2010: 284.

²¹ Таким изданием был задуманный в Софии в начале 1930-х гг., вероятно, как юбилейный, но так и оставшийся неизданный „Гоголевский сборник“, для участия в котором Бицилли были приглашены эмигрантские ученые А. Бем, В. Зеньковский, С. Завадский, С. Гессен, Р. Плетнев. О „Гоголевском сборнике“ см.: Петкова 2017: 119–142.

²² В марте 1931 г., когда в Софии отмечалось 50-летие со дня смерти Достоевского, Бицилли говорил о „Творческой индивидуальности Достоевского“; во время 89-ой славянской встречи 20 марта 1932 г. П. Бицилли прочитал отрывок из будущего труда по истории русского литературного языка – „Заслуги адмирала Шишкова (1754–1840) как славянского филолога“. Цит. по: Петкова 2010: 293, 295.

Предназначенные удовлетворить нужды русской эмигрантской школы и отвечающие требованиям учебных программ по русской литературе, эти книги в своем взаимном дописывании представляют собой своеобразный *трехтомник* или *учебную трилогию*, которая концептуализирует русское литературное развитие, начиная с народной словесности и кончая русскоязычной литературой 30-х гг. XX века – метропольной и эмигрантской. Внешняя форма „школьного руководства“ не исчерпывает жанровую идентичность этих книг и маскирует другой текст, который не отличается от „университетских руководств“ профессора по общей истории, предназначенных для его студентов. Комментарии Бицилли в двухчастной „Хрестоматии“ и его анализы в „Краткой истории“ являются по сути записками лекционного курса и с успехом компенсируют невозможность читать с университетской кафедры лекционные курсы по истории русской литературы.

„Эмигрантская провинция“ Болгария?

Современная эмигрантология идентифицирует Болгарию как эмигрантскую провинцию и аргументирует обстоятельно факт, почему София / Болгария не стала *крупным эмигрантским центром*²³. Эта рефлексия, по-моему, воспроизводит механически дискуссии самих эмигрантов, болезненно переживающих собственное изгнанническое местообитание в оппозиционных категориях столицы и провинции²⁴.

Вопрос об *образе Болгарии* в текстах и языковом мире Бицилли до сих пор вообще не ставился, как не обсуждалось и тематизирование, совсем скромное, болгарской истории в его научных сочинениях. Мне не известно, чтобы Бицилли создавал какой-либо эготекст, на основании которого можно сконструировать единый гетероимидж болгарского. В письмах к Вадиму Рудневу, в которых сообщаются детали организации и функционирования эмигрантского образовательного дела в Болгарии в 1930-е гг. (к нему Бицилли был причастен в качестве члена различных учебных комитетов и комиссий при Земгоре, а впоследствии – и при болгарском Министерстве иностранных

²³ О концептуализации эмигрантского центра см. Петкова 2012б.

²⁴ Антитегический ряд *столица-провинция-провинциальность* в культурном сознании русской эмиграции первой волны рассматривается Ольгой Демидовой в ее ценном исследовании „Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья“ (Демидова 2003: 31–35).

дел), можно найти ряд наблюдений, касающихся менталитета и политических нравов принимающей страны²⁵.

Именно в корреспонденции с Рудневым Бицилли называл свое местообитание / Болгарию „эмигрантской „провинцией“²⁶, заключая все время последнее слово в кавычки. Учитывая научную специализацию профессора, я склоняюсь к тому, чтобы видеть в этом графическом выделении, кроме возможной иронии, значение, отсылающее к реалиям Римской церкви. Как медиевист Бицилли часто использовал в своих письмах и работах концепты, характерные для изучаемого им в молодости латинского культурного мира („*spiritus rector*“, „конституция“, „провинция“). В этом контексте означаящее „провинция“ балансирует на грани различных смыслов и весьма далеко от однозначного расположения на оси „эмигрантская столица – эмигрантская провинция“.

Для Бицилли главной оставалась травма нехватки дома, которая преодолевалась не лечащими симптомами²⁷ спора о том, какую эмигрантскую столицу или провинцию он местообитает, а собственным самостроением и себяпреодолением во имя сохранения жизни – своей и своих близких. Воспринимая эмигрантскую карту в категориях различия и множественности, а не иерархии, Бицилли удавалось, находясь в Софии, устанавливать продуктивные связи и с Парижем („Современные записки“, Вадим Руднев) и с Прагой („Общество Достоевского“, Альфред Бем), с эмигрантской *метрополией* (Франция) и другими *провинциями* (Чехия, Латвия, Германия), не участвуя в спорах или распрях между ними. В *провинции Болгария* Бицилли приобрел парадоксальную свободу общаться издалека, но одинаково успешно с различными эмигрантскими столицами и центрами, порой враждующими между собой, а также получил возможность видеть на расстоянии, но достаточно пронизательно то, что происходит не только в советской, но и в „другой России“. И самое главное – строить свое собственное бытие в единственном числе.

Цитированная литература:

²⁵ См., например, в письме к В. Рудневу от 16 февраля 1934 г.: „Уверю Вас, что местное начальство, при всех режимах, смотрело на дело совсем не так: надо отдать справедливость болгарам в том, что они чрезвычайно терпимы и стоят на точке зрения автономии иностранных школ“ (Бицилли 2012: 534).

²⁶ Бицилли кончает письмо Рудневу от 3 января 1936 г. следующим образом: „Так, по крайней мере, обстоит дело в нашей эмигрантской «провинции»“ (Бицилли 2012: 569).

²⁷ Метафора опирается на психоаналитическое понимание симптома как непроизвольного шага (и ключа) к овладению травматической реальностью.

- Бирман 2006: Бирман, Михаил. П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли, Петр. *Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*. Сост. Ф. Б. Успенский. Москва: Языки славянских культур, 2006, с. 677–706.
- Бицилли 1916: Бицилли, Петр. Очерки итальянской жизни XIII века // Записки Новороссийского университета. Том XIII. Одесса: Типография Техник, 1916.
- Бицилли 1926: Бицилли, Петр. Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926.
- Бицилли 2012: Бицилли, Петр. „«Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них”: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубь; вступительная статья М. А. Бирмана // „Современные записки” (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубь. Том 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, с. 501–686.
- Велева 2004: Велева, Мария. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София: Гутенберг, 2004.
- Гофман 1926: Гофман, Модест. Проф. П. Бицилли. Этюды о русской поэзии. Пламя. Прага 1926 (Библиография) // *Благонамеренный*, 1926, № 1, с. 164–165.
- Демидова 2003: Демидова, Ольга. *Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья*. Санкт-Петербург: Гиперион, 2003.
- Закон за народното просвещение 1924*: Закон за народното просвещение. Подотдел Е. Университет. Глава IV. Персонал // *Сборник от действующите закони по Министерството на народното просвещение*. София: Държавна печатница, 1924, с. 11–129.
- Договори, писма и доклади от „Личното дело на проф. П. Бицилли“ 2013*: Договори, писма и доклади от „Личното дело на проф. П. Бицилли“. Публикация, подготовка на текста, редакция и бележки Галина Петкова // *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи*. София: Факел, 2013, с. 268–318.
- Из отчетния доклад на декана проф. Хр. Гандев... 1995*: Из отчетния доклад на декана проф. Хр. Гандев за дейността на Историко-филологическия факултет през учебната 1947/1948 и зимния семестър на 1948/1949 г. // *Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии: 1944–1950*. Том 1. София: Проф. Марин Дринов, 1995, с. 432–456.

- Мещерский 1954: Мещерский, Андрей. П. Библиография трудов профессора Петра Михайловича Бицилли с материалами для его биографии. София, 1954 [рукопись]: <http://savedarchives.net/article/bio-bibliografiia-na-profmbicilli> (09.06.2013).
- Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли 2010: Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли (1931–1951). Вступительная статья Татьяны Двинятиной. Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса. // Бунин, Иван. *Новые материалы*. Вып. 2. Москва: Русский путь, 2010, с. 109–178.
- Петкова 2010: Петкова, Галина. Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) // *Русские в Болгарии. Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии 1877–2007 гг.* Пловдив: Вион, 2010, с. 222–314.
- Петкова 2012а: Петкова, Галина. Ервин Грим в България: между изгнанието и репатрирането или що са русофилство и русофобство и имат ли те почва у нас? // *Класика и канон в руската литература. Българският поглед*. София: Факел, 2012, с. 194–203.
- Петкова 2012б: Петкова, Галина. Культурная картография русской эмиграции первой волны (1919–1940): концепт „эмигрантский центр“ // *Славяните. Общество, религия, култура. Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на професор д-р Панайот Карагьозов*. София: Унив. изд. Св. Климент Охридски, 2012, с. 463–471.
- Петкова 2013: Петкова Галина. Курсове, четени от проф. П. Бицилли в Историко-филологическия факултет (според Разписа на лекциите на Софийския университет) // *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи*. София: Факел, 2013, с. 319–335.
- Петкова 2015: Петкова, Галина. Русский ученый-эмигрант и „ординарный профессор-иностранец по контракту“ в Софийском университете (Бицилли vs Попруженко) // *Toronto Slavic Quarterly*, № 53, Summer 2015, с. 292–315. Электронная версия: <http://sites.utoronto.ca/tsq/53/index.shtml>. (12.08.2017)
- Петкова 2017: Петкова, Галина. „Да се даде ръководеща нишка...“: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017.